

Застава на Якорном Поле

Автор:

Владислав Крапивин

Застава на Якорном Поле

Владислав Петрович Крапивин

Великий Кристалл #3

По Большому кольцу Полуострова на поездах часто катается мальчишка Матиуш по прозвищу Ёжики...

Он сирота, несчастный и грустный... Катаясь, он вспоминает маму – ее записанный на пленку голос объявляет в подземке названия станций...

И вот однажды... Голос объявляет что-то новое – «Якорное Поле». И голос – мамин! Но ведь раньше такой станции не было...

Ёжики выходит и попадает в странное место...

Владислав Крапивин

ЗАСТАВА НА ЯКОРНОМ ПОЛЕ

Обсерватория «Сфера». Расширенное заседание комиссии по итогам квартальной деятельности спецгруппы «Кристалл-2». Стенограмма. Фрагмент

Научный сотрудник Михаил Скицын:...Таким образом, после очередного возмущения четырехмерных полей типа «VITA» и «Gloria» в наблюдаемом

секторе мы можем видеть четко зафиксированное явление класса «Туннель» между гипотетическими гранями D и E. Причем туннель этот имеет...

Профессор Карло д'Эспозито: А собственно, почему «гипотетическими», молодой человек?

М. С.: Это, увы, не моя терминология. На ней настаивает Центр.

К. д'Э.: «Доколе же ты, о Катилина...»

М. С.: Согласен с вами.

Голос из аудитории: Туннель стабилен?

М. С.: В том-то и дело! Как никогда!.. С одной стороны, это противоречит привычной схеме с Мёбиус-вектором, поскольку направление обратно течению темпорального кольца...

Голос: Не обратно, а поперек!..

М. С.: Вы правы. А с другой стороны, этот факт – увесистая гиря на чашу весов общей теории «Кристалла»...

Профессор Ян Таурин (лаборатория «Грин»): Однако, коллега, здесь противоречие...

М. С.: В чем, елки-палки, противоречие?! Мы пока подбираемся к исходным данным о Переходе робко и на пузе, как мыши к миске спящего кота. Не знаем еще, простите, ни фига! А вы малейшее отклонение объявляете противоречием! Нельзя же судить о «Кристалле» с позиции учебника формальной логики для пятиклассников!..

Шум в аудитории.

Председатель: Михаил Петрович... Ваш тон...

М. С.: Виноват. Прошу извинения за тон. Но не за туннель. Он – факт, извиняться за него бессмысленно, если даже он кому-то не нравится.

К. д'Э.: Синьор Скицын, а справедливо ли утверждение, что вы как-то увязываете возникновение туннеля со вспышкой сверхновой на меридиане... гм... «гипотетической» грани D?

М. С.: Увязываю лишь во времени, но не вижу причинной связи...

Я. Т.: Однако ходят разговоры, что вы заявляли: «Эта штука, братцы, загорелась неспроста». И... странно как-то... именовали новую звезду весьма фамильярно: не то Гришкой, не то Степкой.

М. С.: Мало ли какие ходят обо мне разговоры...

Голос (обрадованно): Это верно!

М. С.:...А что касается «фамильярного» наименования сверхновой, то идея эта не моя, а Якова Матвеича Скицына, автора трудов по аналогии кристаллических структур, почетного академика и...

Я. Т.: Вашего прадеда? Но он ведь... э-э, так сказать...

М. С.: Вы, так сказать, заблуждаетесь. Яков Матвеич вполне здравствует, несмотря на преклонные годы... Кстати, позвольте встречный вопрос: что вас так волнует эта сверхновая? Вы же недавно утверждали, что ее не существует!

Я. Т.: Естественно, коллега! Я не могу поверить в звезду, которая объявлена сверхъяркой, но не видна ни в один телескоп.

М. С.: Ни в один из обычных телескопов грани A...

К. д'Э. (язвительно): Гипотетической.

Смешки в аудитории.

Голос (детский): Доколе же ты, о Микаэлло, будешь настаивать на нашем грешном существовании?!

М. С.:...А если взглянете на экран межпространственных пересекающихся радаров...

Я. Т.: Я астроном, а не... алхимик.

М. С.: Ваша твердость сама по себе вызывает восхищение. Но она похожа на твердость святых отцов, не желавших смотреть в телескоп Галилея.

Я. Т.: Вы, я полагаю, еще не Галилей.

М. С.: Да и вы... прямо скажем, если и отец, то не святой. Ваша статья в «Астрономическом вестнике»...

Шум в аудитории.

Председатель: Товарищи! Господа! Михаил Петрович...

Голос: А как быть с эффектом «поперек»?

Второй голос (детский): Миш, расскажи про обратную спираль! Как хвост у Жучки!..

Оживление. Смех.

Председатель: В чем дело? Откуда здесь дети?

Секретарь: Это Витька... То есть Виктор Мохов, внук директора обсерватории, который, как вы знаете, сейчас в Центре и...

Председатель: Ну и... тем не менее. Здесь не кружок юных физиков.

М. С.: Он же пограничник.

Я. Т.: Что? Детей уже берут на военную службу?

М. С.: Великие Хранители!

* * *

– ...Я так намучилась за эту смену! Вожатые все девчонки-первокурсницы, толку никакого, всё на нас, на воспитателях. А нынешние дети – сама знаешь...

– Иди ты с этой работы. Пока не поздно.

– Ох, не говори! Хоть в вахтеры ушла бы. Да ведь стаж... В этой смене триста человек – и дебил на дебиле. Из-за одного чуть не кончилась, был такой Ромка Рогулин в пятом отряде. По прозвищу Ро-ро. В родительский день гляжу, он несется по коридору и через две стеклянные двери – навывлет! Я и села мимо скамейки. «Врача!» – ору. Сама думаю: «Его в реанимацию, меня к прокурору». А он – хоть бы хны, только щека поцарапалась. Не остановился даже. Я ему вслед: «Вернись, паразит, ты куда?!» А он: «К ма-а-аме!..»

(Из разговора в автобусе)

1. Кольцо. Голос

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Малый ипподром...

На Большом Кольце поезда с перрона А идут по часовой стрелке, с перрона Б – наоборот. И никогда не меняют направлений – кольцо есть кольцо. Поэтому хвостовых моторных вагонов у них нет. Задний вагон такого поезда – с закругленной кормовой стенкой. Узкий диван изгибается вместе с ней подковою. А над упругой спинкой – сплошное, тоже выгнутое, стекло.

Если встать коленками на прохладную искусственную замшу сиденья и положить подбородок на нижнюю планку окна, видно, как убегает назад черный, с бледными огоньками туннель, как быстро уменьшается светящийся полукруг – выезд со станции. Потом этот желтый ноготок исчезает за поворотом, туннель делается светлее. Бегут, не отставая, по гладкой полосе антиграва отблески хвостовых сигналов, ярче становятся фонари. При замедлении хода можно различить пористую кладку стен, замурованные арки, а кое-где – черные провалы и в них смутно белеющие мраморные колонны. Поезд прошивает известковые и бутовые толщи древнего Полуострова с его катакомбами, подземными храмами, пещерными городами, подвалами крепостей и тайными библиотеками.

Тысячи лет в этих каменных пластах гнездились тайны. Великое множество. Тысячи лет, наверно, нужно, чтобы все разгадать. Если будет на то у людей охота... Еще недавно рассказы о кладах и подземельях волновали до замирания души. А сейчас все равно. Лучше не смотреть, закрыть глаза. Тогда голос делается будто не из стереодинамиков, а совершенно живой. Будто совсем рядышком, за спиной:

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Магазин «Радуга»...

В хвостовом вагоне пассажиров всегда немного. А сейчас, в послеобеденную пору, совсем пусто. Лишь в другом конце сидят двое-трое. Никто не заворчит на мальчишку, забравшегося с ногами на сиденье. Впрочем, сандалии он оставил на полу.

В скрытые щели вентиляции тянет сквознячок, щекочет голые пятки, пушистыми зверьками пробегает по ногам, прыгает под светло-серую капитанку с закатанными рукавами. Между лопаток – словно мохнатой лапой провели. На спине шелковистая аэроткань надувается пузырем.

...Несколько раз он задумывался: почему эти полукурточки-полурубашки со множеством застежек и хлястиков, с пряжками и погонами называются капитанками. Никто из взрослых не ходит в такой форме: ни моряки, ни офицеры Космофлота, ни Патрульная служба, ни дежурные Дорожной сети. Это чисто ребячья одежда – на все случаи беспокойного мальчишечьего бытия. Не рвется, не мнется, не льнет к репейникам, за минуту отстирывается от любых пятен в

холодной воде. Отталкивает жгучие лучи и хранит тепло в зябкую погоду. А больших карманов и потайных карманчиков столько, что и сам хозяин не всегда помнит. В холодную погоду у капитанки раскатываются рукава, подол заправляется под ремень длинных брюк (обычно с узорно-чеканной пряжкой), пристегивается откидной воротник-капюшон – и ходи хоть среди метели.

Хотя какая тут метель! Конечно, Полуостров – не настоящий Юг, но снег выпадает лишь на Рождество, да и то если очень постарается Служба погоды. Говорят, лет пятнадцать назад случилась такая зима, что пролив у Грюн-Капа на полмесяца затянуло льдом. Но нынешние мальчишки ничего подобного не помнят. Лето здесь тянется до конца октября. А сейчас лишь сентябрь, и в вагоне прохладнее, чем на улице. Там, наверху, не просто жара, а влажная духота. И небо – желто-серое, низкое, солнце вязнет в липком воздухе. Ничего не поделаешь – парниковый эффект. «Погодники» воют с ним как могут, да пока могут не очень.

Хорош бы он оказался, если бы поехал в лицейской форме. Встречные пялились бы на пацана в казенных, с лампасами, штанах до пят, в галстук и тесной черной курточке с галунами. Нет, в таком костюме не жарко, специальная «мундирная» синтетика даже холодит тело. Но что хорошего, когда на тебя все таращат глаза, как на сбежавшего из заповедника павлина, а мальчишки радостно орут вслед: «Ослы – на тот свет послы!»

«Ослы» – это из-за нарукавного шеврона. На нем концы золотого лаврового венка торчат, как ослиные уши, и тут же – буквы: О С Л. Особый суперлицей. Супер – потому что учит человека от «нулевки» до высшего диплома. Особый – потому что для всяких сверхталантов («Господи, а у меня-то какой талант?»). Многие считают, что одаренные сверх меры дети на этом свете не заживаются. Вот и «послы на тот свет».

Кантор вроде бы с шуточной ноткой, но в общем-то серьезно любит напоминать, поднявши пухлый палец:

– Господа лицеисты, понятие «честь мундира» есть понятие не устаревшее, а вечное. Будьте выше праздного любопытства и насмешек обывателей и гордитесь принадлежностью к славной когорте. Вы соль будущего интеллекта общества...

В переводе на нормальный язык – на занятия в мундире, в город в мундире.

Есть, конечно, такие, кому нравится изображать гвардейцев и аристократов позапрошлого века. Дело их. Пускай берегут мундирную честь. А он сюда, в «ослы», не просился.

...Час назад он вышел из лицейского парка, пешком добрался до Южного вокзала, в электронной камере хранения взял сверток с тем, что привык носить раньше, в прежние, домашние времена. Бесшумно переоделся в кабинке туалета. Все казенное затолкал в прежнюю бронированную ячейку, придавил тяжелой дверцей. И все. И превратился в обычного пацана, затерялся среди миллионного ребячьего народа Полуострова...

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Дом Капитанов.

«Да, я знаю... Помнишь, мы там выходили, чтобы посмотреть на этот дом? Это когда я еще маленький был и мы гуляли вдвоем... Он длинный, белый, с круглыми окнами и корабельной вышкой. На вышке мачта со всякими висячими знаками – шарами, треугольниками. А выше знаков – флаг. Синий, с золотыми полосами и вензелем, как на капитанском рукаве. А может, «капитанка» – потому, что на нее тоже пришивают всякие шевроны и знаки?»

Да, на погоны обычно шьют полосы разного цвета, на рукав – эмблему своего отряда или общества. А иногда и просто всякие значки и надписи. Но он ничего не пришил. Если просто так, картинки, – это неинтересно. А по званию ничего не полагается. В прежней школе, весной, он записался в клуб «Морские орлята» и уже почти прошел кандидатский срок, и должны были скоро дать синие лычки на погоны и нарукавный знак с крылатым корабликом. Но инструктор неожиданно уехал на стажировку в летное училище.

«Ты тогда утешала: «Не горюй, в сентябре получишь все, что полагается. Может, еще и медаль дадут...»

«За что медаль-то?»

«За терпение... Не шмыгай носом, время быстро бежит».

Бежит-то оно быстро. Только если бы знать заранее – куда.

– Станция Дом Капитанов. Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Отель «Кочевники».

Все здесь известно. Все расписание он знает наизусть, каждую станцию, каждую нотку в голосе. Сколько витков он сделал по Кольцу за свою жизнь!

– Святые Хранители, это что же такое! Ночь на дворе! Где тебя носило?

Он в дверях – коленки вместе, пятки врозь, пальцы дергают подол капитанки. Так стоят люди виноватые и упрямые. Голова ниже плеч, волосы упали вперед. Чтобы глянуть исподлобья, надо их раздуть. Но для этого необходимо оттопырить нижнюю губу, а губы сжаты. Пока...

– Я тебя спрашиваю, несчастье мое! Где ты был? Только не вздумай сочинять!

«Несчастье мое» – это хорошо. Это трещина в суровой сердитости. Только вот не вовремя намокли ресницы... А сочинять он не имеет привычки. Или молчит, или уж правду говорит.

– Скажешь ты, наконец, или решил меня уморить?

– По Кольцу ездил... – Это сипло и тихо.

– Новое дело! Зачем?

Дело совсем не новое. Не первый раз. И ей это, конечно, известно. Но... у таких разговоров есть свои правила.

– За-чем, я спрашиваю.

Он отдувает наконец волосы. Похожие на волокно растрепанного ногтями льняного троса (натурального, конечно), они взлетают легко и опускаются не сразу. Он успеваает посмотреть. Глаза в глаза. Потом – опять в пол. Носом

втягивает воздух и говорит с легким вызовом:

- Тебя слушал... Как ты объявляешь.

Она опускается на кухонный стул, руки ложатся на хрустящий новый передник (он сине-зеленый, блестящий, с белыми и желтыми морскими коньками).

- Еще одна новость. - А в голосе уже что-то вроде просьбы. - Тебе что, дома меня не хватает?

Он вскидывает лицо. Волосы ладонью - в сторону (будто комара скользящим ударом бьет по лбу). Смотрит ей в лицо опять и тут же - в дверной косяк. Говорит сквозь предательскую хрипотцу, но уже с затаенной (очень затаенной) дурашливой ноткой. Со спрятанной надеждой на прощение:

- Да-а... Там у тебя голос хороший, ты не сердишься, не ругаешь.

- На-адо же... - Она склоняет набок голову (капелька-сережка над плечом). - Значит, там я лучше, чем дома. Очень большое спасибо.

«Очень большое пожалуйста», - едва шевелит он губами. Так, для себя. И совсем неискренне, из остатков вредности.

- Но там я говорю свои слова для тысяч людей. И ни один из них не сделал ничего плохого. Ни один, я уверена, не доводит свою мать до нервной икоты...

- Ох уж, до икоты... - Это он косяку. - Чего уж я такого сделал-то...

- Не бубни! Ни один нормальный человек не лазает со своими приятелями по всяким подвалам и катакомбам, рискуя свернуть себе шею или оказаться в завале.

- Ох уж, в завале! Там все безопасно, туда еще наш учитель истории спускался, когда такой же был... как мы.

- Вот и лазил бы туда с учителем. А не с этим шалопаем Яриком.

- Это Ярик-то шалопай?! Сама говорила, чтобы пример с него брал!

- Я ошибалась. И очень горько. Два сапога пара, и обоим следует вздуть одинаково. Я вот позвоню его маме.

- Да знает она, знает. Тебе звонить обещала.

- Какое приятное известие! Археологи липовые...

Но это уже так. Это почти игра.

- Марш в ванную. Чучело, а не сын.

Ванная – это потом. А сперва... сперва потоптаться, посопеть у двери, потом побрести с опущенной головой, постоять, ткнуться носом в теплое плечо рядом с клеенчатой лямкой передника. Вздохнуть, получив невесомый хлопок по затылку. Снова посопеть, потереться о ее плечо лицом.

- Нечего об меня нос вытирать. Я тут чуть с ума не сошла: то днем исчез, то вечером...

- М-м...

- Подлиза.

- М-м...

- Не мычи, а говори, если хочешь что-то сказать.

Она знает, что он хочет сказать. Вечное, как мир, и самое непрочное мальчишечье обещание: «Больше не буду...» Но даже в полную ласки и раскаяния минуту он не может выдавить из себя эти слова. Такой характер.

Теплая ладонь с растопыренными пальцами ложится на его заросший затылок. Пальцы треплют, теребят пряди. Вроде бы сердито.

- До чего упрямый...

Он стыдливо хихикает:

- Сама придумала, что Ежики.

...Прозвище, казалось бы, ну совсем не для него. Вот у Ярика на темени две спиралью завитых макушки с жесткими хохолками - и правда как ежики. Но Ярик - человек покладистый, «не то что эта колючка».

Да какая он колючка! Просто повелось так с дошкольных еще времен. «Ты долго будешь с книжкой сидеть?» - «Счас...» - «Не «счас», а спать. Кому сказала!» - «Ну, маленько еще...» - «Брысь в постель!» Хватить его в охапку. «Следующая станция - Нос-в-подушку!»

Он, конечно, верещит и ногами дергает.

«Не ребенок, а ежики...»

«Ха-ха-ха, почему?»

«Потому! Чуть что - иголки наружу: не хочу-у...»

«Ха-ха-ха! Тогда уж один ежик!»

«Один - это мало. У одного хоть живот пушистый, а у тебя всюду колючки торчат. Куча ежат, все упрямо визжат...»

«Я никогда не визжу. Даже от щекотки. Ай, не надо! И-и-и!...»

«Вот так-то, Ежики... Спать».

Ежики так Ежики. И прожил с этим именем до одиннадцати с половиной лет.

И вот сейчас тоже:

- Эх ты, Ежики, колючки непутевые. Ладно, не сопи, иди мыться. Шагом марш!

Это уже совсем прощение. Он дурашливо марширует в холл, потом в кафельную кабину с ванной-бассейном. Весело командует, задвигая дверь:

- Осторожно, двери закрываются. Следующая станция - Океанский пляж!

- Я покажу тебе пляж! Не смей устраивать наводнение!

А за дверью уже: ш-ш-ш, буль-буль-буль, плюх-плюх!

- Ну, только выйди, будет тебе «плюх»!

Он выходит, важно кутаясь в длиннополый мохнатый халат, как в шкуру-плащ туземного вождя. Слипшиеся волосы торчат длинными сосульками.

- Хоть бы вытерся как следует. Чучело и есть чучело. Не ежики, а дикобраз...

Он шествует к похожему на присевшего бегемота креслу и погружается в его податливую мякоть. Говорит оттуда:

- А я знаю, почему твой голос записали... У вас там специальные дикторы есть, а ты вовсе и не диктор, а консультант, а для Кольца записали не их, а тебя. Потому что...

- Любопытно. Почему же?

Он вдруг теряется, прячет нос в махровый рукав.

- Ну, потому что он такой голос...

- Какой же? А? - Ей и правда интересно.

- Ну... как ты сама.

Голос и в самом деле вовсе не дикторский. Он слишком... домашний, что ли. И в словах, если очень прислушаться, есть неправильность – крошечная такая шепелявость. «Р» звучит мягко, «ж» похоже на «ш». И постоянное «осторожно» произносится с еле заметным ласковым пришептыванием – «осторёшно»... Нет, не так, разумеется, но с намеком на «ё» и «ш»...

Ежики сам видел не раз, как люди, услышав этот голос, поднимают глаза к динамику и чуть улыбаются.

...И «Ежики» она тоже говорила мягко. Почти как «Ешики»...

«Ешики, опять с ногами на сиденье? Ну-ка брысь!» («Бр-ись...»)

Он вздыхает, сползает коленками с сиденья, садится, опустив ноги. На полу при стремительных поворотах вагона елозят туда-сюда расстегнутые и брошенные сандалии. Ежики сует в одну из них ногу, нагибается, чтобы прижать к металлическому язычку магнитную пряжку. На ноге сбоку, выше косточки, белый рубец с точками по краям – след шва... Конечно, можно было бы убрать его за два дня специальной мазью (называется «ре-ге-не-ра-ци-онная»). Да и без мази он сумел бы сгладить шрам за неделю. Но не хочет. Пусть. Хорошо он все-таки врезал тогда Кантору, жаль, что нога срикошетила...

Ремешок с пряжкой – будто живой: дергается, хитрит, выскользывает из пальцев. А тут еще опять поворот, и мягкая сила валит Ежики на бок. Он сердито покоряется ей и так, лежа, дожидается шелестящего торможения и затем – знакомых слов:

– Станция Восточные ворота... Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...

«Знаю. Эстакада...»

Он придвигается к боковому окну. Поезд, набрав ход, вырывается из туннельного сумрака в громадное дымчато-желтое пространство. Неяркое, похожее на грейпфрут солнце невысоко висит во влажном воздухе, высвечивает море, обрывы Грюн-Капа и бесконечные кварталы мегаполиса, что раскинулся почти на треть Полуострова. Кварталы эти – белые, стеклянные, разноцветные, убегающие в необозримые края по холмам и равнине – медленно

поворачиваются за окном, словно за бортом аэробуса. А под полом, под тугой упругостью антигравитационной подушки, мягко гудит стальная эстакада. Она соединяет Крепостной холм, где стоят остатки тысячелетней Цитадели, со склоном горы Эдуарда. А глубоко внизу курчавятся верхушки парковых массивов Посейдоновой балки.

Посреди эстакады стеклянный павильон станции. Последние два пассажира вышли здесь из вагона. Поедут, наверно, на лифте вниз, в парковые дебри. А может, застрянут на смотровой площадке.

Ежики лбом прижимается к окну. Сквозь стекла вагона и станции виден склон горы Эдуарда, а левее – гребешок дальнего пологого холма, на котором щетинятся кипарисы – черные на желтом небе. За теми кипарисами есть скользкий от ракушек спуск садовых тропинок, а дальше – дом. Его дом. Родной до каждой щелки на дереве старых перил, до последней царапинки на облицовочном пластике. Родной и... чужой. Нет, не надо сейчас о доме. А то не поможет и аутотренинг иттов.

Вон там, где торчит самый высокий кипарис, есть очень старая ракушечная лестница, она ведет к школе. На ней почему-то всегда любят играть первоклассники. Такую игру знают, наверно, только в этой школе: вроде классиков, но прыгать надо не по ровному месту, а по ступеням.

Две ступеньки,

Три ступеньки,

Жил-был рыжий кот у Сеньки...

«Сестра Анна, где вы? К вам опять очередь с разбитыми коленками!»

«Святая Дева, я не напасусь бактерицидки! Когда сроят эту окаянную лестницу!»

Попробуй срой! Все ребята крик подымут... Там не только замечательные ступени, там еще широкий парапет сверху донизу, а по нему тянется желоб. Такой лоток, отполированный штанами школьников многих поколений. Садишься наверху, пятки вскидываешь – и пошел! Многие перед уроками специально забираются на верхнюю площадку, чтобы подкатить к школьному

крыльцу с таким шиком. Но нельзя зевать в конце спуска: там есть выступ вроде трамплинчика. Если расслабишься, так хряпнет, что на первом уроке не сидишь, а страдаешь. Но Ежики никогда не зевал. И Ярик не зевал.

Поезд уже ушел с эстакады, вонзился в толщу горы Эдуарда, а в глазах у Ежики по-прежнему желтый свет. И небо, и зелень. И, вскинув темно-ореховые ноги в красных кроссовках, летит вниз по каменному желобу хохочущий Ярик...

...Точно говорят, что беда не приходит одна. Точно и горько. Ведь всего за две недели до черного дня Ярик с матерью и ее новым мужем улетели на другой край Земли. Туда, где пояс городов Золотого Рога. Насовсем. Конечно, в наши дни это не так уж далеко. Подумаешь, Золотой Рог, если даже с Марсом прямая связь (только без видео). Но ведь за руку теперь Ярика не возьмешь, не схватишься – кто кого повалит – на траве Замковой лужайки, не полезешь с ним искать ржавые наконечники стрел в подвалах Цитадели. Осталось только глядеть друг на друга на экране да говорить со странной неловкостью: «У вас как там? Нормально? У нас тоже нормально...»

Он как раз набирал на пульте код Золотого Рога, чтобы вызвать Ярика к экрану, когда пришли эти двое: мужчина в форме летчика Внутреннего флота и тетка из Опекунской комиссии...

Не надо про это. Лучше про школу... Как он забавно боялся, что его не возьмут в первый класс, потому что болел и опоздал на два дня. Но все же пошел один, без мамы. Сам отыскал учительницу.

«Очень хорошо, что ты пришел, мы тебя ждали... Полное имя твое у меня записано, а как тебя зовут дома?»

Он сказал чуть насупленно:

«Ежики».

«Ежик?»

«Е-жи-ки».

«А... ну, замечательно. Скажи, Ежики, кто твоя мама?»

«Она... как это? Где работает, что ли?.. Ну, она в Управлении Дорожной сети. Консультант в инженерной группе...»

«Умница».

Кто папа, спрашивать не принято. С папами в наши дни сложно. Многие пацаны ничего про них и не знают. У Ежики в этом отношении положение, пожалуй, лучше, чем у других. По крайней мере, он точно, без выдумок и сказок, знает, кто был отец. Несколько раз они с мамой летали в Парк памяти. Там громадная стена из желтого пористого камня, а в ней ячейки, ячейки, закрытые мраморными плитками (чем-то похоже на вокзальную камеру хранения). И на одной плитке, в третьем снизу ряду, надпись:

Виктор Юлиус

РАДОМИР

Музыкант

Он был дирижер и автор музыки фильмов, которые идут иногда и сейчас. А еще чемпион Полуострова по теннису и фехтованию. Мама говорила, что он был высокий, черноусый, гибкий, как храбрый капитан д'Эбервиль из фильма «Третья эскадра». А Ежики – светлый, круглолицый, нос сапожком.

«Как у Петрушки, – и пальцем нажимает ему на кончик носа. – Был в старинном кукольном театре такой персонаж, Петрушка-растреп».

«Какой же Петрушка, если сама говоришь: Ежики...»

«Ежики – по характеру, а растреп по наружности. И в кого такой?»

«А говорила, что похож на отца».

«Ну... не носом же. Прыгучестью да замашками похож... когда вы с Яриком друг друга вашими пластмассовыми шпагами тыкаете...»

Наверно, он и характером похож на Виктора Юлиуса Радомира. Хоть немного. Недаром столько времени продержался тогда в доме.

Ох нет! Он же обещал себе не думать сейчас про это...

А все же недаром, видимо, перешло к нему второе имя отца – Юлиус. А полностью – Матвей Юлиус Радомир. Так его именуют в лицее. Лишь Кантор говорит иногда мягче: «Матиуш». Но и Кантор, скорее всего, не знает, что лицеист Радомир – Ежики. Никто здесь не знает. А в школе про него, наверно, уже не вспоминают. И Ярик далеко. А мамы нет, нет, нет.

Разве так бывает, что был человек, и теперь нет его совсем? Значит, бывает.

Сколько времени прошло? Чуть больше года. А кажется – сто лет.

А тоска не уходит. И когда совсем уже невмочь, остается одно: бежать из лицея, садиться в хвостовой вагон и слушать Голос.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...

«Знаю, мама, знаю. Площадь Карнавалов». Голос настоящий, знакомый до последней крошечной нотки. Но он не скажет ничего нового.

... – Следующая станция – Якорное поле.

2. Игра в шары. Росток

Его потрянуло – нервно и жестко. Словно голой рукой задел открытые контакты блока питания в домашнем комбайне «Уют». (Уют уютом, а трахнет так, что озноб в каждой клеточке тела и волосы торчком.)

Он коротко вздохнул, замер. Не от испуга, от неожиданности. Но... и от испуга тоже. Хотя чего бояться?

Да, не было на Кольце такой станции. Ну и что? Значит, построили. Чего вздрагивать-то? А когда построили? И разве сумели бы так незаметно? Прошлый раз он ехал здесь неделю назад... А может, это какой-то временный объезд? Но такой станции никогда не было нигде... Какое там наверху может быть поле? Между станцией Солнечные часы и площадью Карнавалов? А может, это какое-нибудь незаметное кафе с таким названием или кинотеатр? Ну да, разве стали бы называть их именем станцию!

И все-таки что ты так подскочил, Ежики? Аж сердце колотится. Будто ночью, когда снится падение с Соборной башни и просыпаешься, хватая губами воздух. Так нельзя, не надо.

Нужно выйти и посмотреть, что это за новое явление на Большом кольце. На дороге, к которой он привык настолько, что чувствовал себя почти хозяином. Все было так знакомо, и вдруг...

Ну ладно, он успокоился. По крайней мере, почти успокоился. Ехал и ждал. Не только станции. Вообще ждал.

Казалось, поезд увяз во времени. Ежики вскинул глаза на вагонные часы. Желтые цифры на круглом угловом табло менялись очень медленно, секунды как бы застревали в черном безвременье. Можно было не спеша сосчитать до десяти, пока одна сменит другую... Наконец заторможенное время лопнуло, как тугая пленка. Желтые секунды замелькали, пневмотормоза плавно зашипели, мамин голос (будто не в динамике, а рядом, у плеча) сказал:

– Станция Якорное... поле...

Ощутимым, как теплое дыхание, живым было ее ласковое пришептывание. А после слова «Якорное» мама чуть запнулась, сделала маленький вдох.

Ежики метнулся с дивана, дверь отошла. Он шагнул на перрон... и остановился – будто носом о стенку.

Нет, стенки рядом не было, но теснота станции поражала. Не зал, не привычный яркий вестибюль, а небольшой подвал. Серая бетонная комната, голые, без плафонов, трубки ламп. Ежики быстро оглянулся. Поезду не хватило места, он ушел головой в туннель, и только два последних вагона оказались у платформы.

«А как же выходят из остальных? А где же...» Мысли отсек резкий шелест и стук задвинувшихся дверей – без объявления! Поезд взял с места сразу, так быстро, что воздух взвихрился, рванул капитанку, щекочуще закрутился у ног и задергал так и не застегнутые ремешки сандалий.

Ежики сел на корточки, машинально сцепил пряжки и, не вставая, осмотрелся опять. Вот что еще удивляло (и странно пугало даже): не было противоположного перрона, не было полотна для встречных поездов. В пяти шагах от Ежики плиточный пол смыкался со стеной. На ней – ни указателей, ни привычных стеклянных букв названий. Лишь белой краской – аккуратно, однако явно ручной кистью, даже без трафарета – на бетоне крупно выведено:

ЯКОРНОЕ ПОЛЕ

Яркость букв и сама необычность названия спорили с унылостью бетона. А кроме того, гнетущую придавленность и тесноту разбивало желтое окно. Большое, с переплетом в виде буквы «Т», как в старых домах, оно неярко, но празднично светилось в левой торцовой стене.

Ежики, привыкая к странности случившегося, тихо подошел. За окном была ниша с грубой облицовкой из песчаника. Там, за стеклами, под светом скрытых наверху ламп стояла метровая модель парусного корабля.

Судя по всему, это был старинный галион – с высокой узорчатой кормой, с фигуркой морской девы под крутым бушпритом, на котором подымалась тонкая вспомогательная мачта. А основных мачт было четыре – все в переплетении сеток и снастей, увешанных тяжелыми горошинами блоков.

Ежики когда-то любил рассматривать такие модели в музеях. И при этом он думал не столько о приключениях и дальних плаваниях, сколько о мастерах. О тех живших в прошлые века людях, которые строили эти маленькие корабли. Как они в комнатах, заваленных толстыми кожаными книгами, с медным звездным глобусом в углу, при свете масляного фонаря плели хитроумный такелаж, резали из коричневого дуба узоры, клеили слюдяные окна кормовых надстроек. В песочных часах шуршала сухая струйка, за стенами, у близкого мола, вздыхало море, и стекла подрагивали в частых переплетах.

Люди эти были, конечно, старые капитаны – мудрые, много повидавшие на своем веку. Жаль, что их уже нет.

И эта модель, без сомнения, была очень старая. Тоже, наверно, из какого-то музея. Дерево от древности стало все одного, почти черного цвета. И снасти такие же. Материя туго скатанных, привязанных к реям парусов сделалась кофейно-бежевой. Лишь точеные столбики подставки светились новой лаковой древесиной. Нижними концами они уходили в толстый слой песка и мелких ракушек. Под этим слоем угадывалось тело небольшого якоря, а перед моделью, у самого стекла, торчала из песка треугольная красно-ржавая лапа.

Ежики смотрел на это, рассеянно отмечая, что на снастях кое-где серая пыль, что пушечные люки закрыты, в слюдяных фонарях на корме белеют крошечные, но, кажется, настоящие – наполовину сгоревшие – свечи, а в закрепленном на палубе баркасе лежит бочонок величиной с наперсток.

А среди мелких ракушек валяется сухая крабья клешня.

От якорной лапы Ежики опять скользнул взглядом по мачтам и вантам, вздохнул, слегка потянулся. Положил сцепленные пальцами ладони на темя – была у него такая привычка.

...Когда-нибудь Матвей Юлиус Радомир станет взрослым и, возможно, прочитает старинное сочинение под названием «Книга кораблей». И там ему попадутся слова капитан-командора Космофлота Элиота Красса д'Эспинозы – командира знаменитой «Терры»: «В тяжкие времена безотчетного страха и неясности судьбы я нашел простое и доступное всякому лекарство от душевной смуты: в Доме Капитанов я неспешно разглядывал судовые модели. Созерцание крошечных каравелл и фрегатов, где сочеталась неторопливая мудрость,

кропотливость мастеров с воспоминаниями о плаваниях вокруг неоткрытого мира, успокаивает человека, возвращая ему равновесие духа, ясное сознание и надежду...»

Сейчас ничего этого Ежики не знал. Но успокоенность уже пришла к нему. Он с ровным, неторопливым любопытством разглядывал галион, покачивая разведенными в стороны локтями и трогая коленом холодную цепь ограждения.

Провисшая цепь была натянута у окна между низкими чугунными столбиками. Приглядевшись, Ежики понял, что это старые корабельные пушки. Они были врыты в пол вниз дульными срезами. Цепь, несомненно, тоже была с корабля: якорная, массивная, с поперечинками в каждом звене. Ежики еще раз толкнул тяжелые кольца коленом, сел на цепь боком к окну, покачался.

Осмотрелся опять.

Теперь тесный бетонный подвал не был унылым и гнетущим. Окно с моделью сделало его каким-то домашним. Уютно щелкали часы над темной аркой туннеля. Они показывали, что прошло уже семь с половиной минут, а следующего поезда все не было. Странно... Эта странность, однако, не тревожила Ежики. Даже тихо радовала. Так же, как и то, что не было на станции ни одного человека. Громадный город, казалось, остался далеко-далеко – с его колоссальными коробками домов, вокзалами, миллионами людей, с лицеем, с Кантором, с несчастьями. Сидеть бы здесь, качаться бы вот так долго-долго...

Но все-таки надо было узнать: что за Якорное поле там наверху?

Ежики встал. И только сейчас понял: со станции нет выхода.

Ой нет, выход, кажется, был. Только тоже очень странный. В противоположной торцовой стене, слева от туннеля, чернел узкий пустой прямоугольник.

Оглянувшись еще на окно с галионом, Ежики протопал через подвал и шагнул в темноту.

Темнота была лишь несколько шагов. Потом за плавным поворотом коридора засветилась под потолком лампочка. За ней еще, еще. Закругляясь, коридор

пошел вверх, началась крутая лестница. Никаких тебе эскалаторов. Стертые ступени, стены из бугристого камня. Скорее всего, это был остаток древнего крепостного подземелья, к которому прилепилась станция.

Ежики поднимался не спеша. Раскинув руки, трогал неровности теплых стен. Лестница тоже не торопилась, делая округлые повороты. Но в конце концов забрезжил впереди уличный свет. И тогда – в смешанном свете лампочки и дня – Ежики увидел на лестнице шар.

Он лежал в выемке ступени, темный, блестящий, размером с небольшое яблоко. Ежики поднял его. Шар оказался тяжелый, из литого вишневого стекла. Ежики глянул сквозь него на лампочку – в стекле забрезжил рубиновый огонек.

Перекладывая находку из ладони в ладонь, Ежики поднялся к выходу...

Если бы он однажды утром вышел из своего дома и вместо привычного садика с кафельным бассейном и фонтаном увидел незнакомый двор, то, наверно, испытал бы такое же чувство.

Сейчас он был уверен, что окажется где-то неподалеку от площади Карнавалов, увидит башню старой ратуши с курантами и гигантский стеклянный карандаш отеля «Трамонтана». Но увидел он обширный бугристый пустырь. С пологими холмами и купаи деревьев по краям. За деревьями не было и намека на город. Только в двух сотнях шагов раскинулось угловатой подковой приземистое здание красного кирпича. Длинное, с тремя рядами узких черных окон. Посреди его стояла широкая квадратная башня с зубцами и покосившимся флагштоком.

Ежики растерянно глянул назад. Оказалось, он вышел из каменного домика, похожего на старинную трансформаторную будку, какие иногда попадаются еще на окраинных улицах. Но города не было и здесь. Позади будки тянулся прямой и неширокий канал, облицованный серым гранитом. Справа и слева, далеко, он уходил в нависшие деревья. Ежики вышел на берег. Здесь на низких каменных постаментах лежали два адмиралтейских якоря. Ржавые, трехметровые. Они были положены наклонно, упирались в плиты деревянными поперечинами-штоками. Дубовые штоки были изъедены морским червем, их железные оковки кое-где лопнули.

Ежики задумчиво потрогал якорную лапу. Он почти не удивлялся. Так не удивляются странностям во сне. Он глянул вниз. У берега к вделанному в гранит кольцу была привязана лодка. В ней тоже лежал якорь, но маленький и новый. Лодка была неподвижна, потому что не двигалась и темная гладкая вода. «Холодная», – понял Ежики и даже передернул плечами.

Впрочем, зябкости в воздухе не ощущалось. Но не было и духоты, как в городе. Все здесь оказалось не так. Воздух стоял ясным, в нем растворялась прохлада с еле заметным запахом северных тополей. В небе исчезла желтизна. Часть его укрывали серовато-белые, с пасмурным налетом облака, и солнце пряталось за ними. Но половина неба оставалась чистой и светилась бледной голубизной, в которой был уже намек на вечер.

Ежики опять взглянул на кирпичное, похожее на крепость здание. И пошел к нему по траве. Среди тишины и безлюдья.

Невысокая трава казалась седой от множества отцветших и опущенных семенами одуванчиков. Они были крупные, с кулак Ежики. Он старался не задевать пушистые эти шары, но их было очень много, и семена-парашютики то и дело стаями взлетали до коленей. Тогда он перестал смотреть под ноги и снова глянул кругом.

И увидел то, что раньше не бросилось в глаза. Всюду были якоря.

Заросшие, ушедшие в землю почти целиком, наполовину или совсем немного, они лежали и торчали там и тут. Маленькие, как в лодке, и крупные, и громадные, как на камнях у канала. Большею частью ржавые, но были и такие, что темнели чистым железом. Чаще всего попадались якоря старых, знакомых по картинкам форм, но встречались и современные – с поворотными и выдвижными лапами, хитрыми скобами, изогнутыми и составными штоками... В общем, куда ни глянешь – якоря. Видимо, сюда их свозили отовсюду – и те, что снимали со старых кораблей, и те, что находили на дне моря, на местах давних битв и крушений. Как в музей под открытым небом. Свозили, свозили и забывали...

Несколько больших якорей стояли на пригорках, как памятники. Один из них – четырехпалый, со странно выгнутым туловищем-веретеном – показался Ежики особенно интересным. Он пошел к этому якорю, а навстречу, из-за бугра, вышли

трое ребят.

Девочка и двое мальчишек.

Старшему было лет четырнадцать, девочка – наверно, ровесница Ежики, а младший – совсем пацаненок, лет восьми. Подходили медленно, и Ежики успел разглядеть каждого.

Малыш – босиком, в голубой полинялой майке и серых, похожих на юбочку штанах: они забавно болтались вокруг бедер. Большеголовый он был и чумазый или такой чернявый, что просто казался неумытым. Девочка – в бледно-желтом клетчатом платье, а поверх него замшевая курточка без рукавов и со шнурками вместо пуговиц. Старший – в зеленой рубашке и в пятнистых, как у десантников из кино, брюках-комбинезоне. Он и девочка – светлоголовые, с тонкими, даже острыми лицами и спокойными глазами. Они шли шеренгой (малыш посредине) и смотрели на Ежики. По-хорошему смотрели, он сразу понял, что от них не будет ни обиды, ни насмешки.

– Здравствуй, – сказал старший, когда все остановились.

И Ежики поймал себя, что ответил лицейским коротким наклоном головы (вот ведь, въелось все-таки!). И торопливо сказал:

– Здравсте... – Замигал от неловкости.

Старший мальчик спросил с ноткой тревожной заботы:

– Скажи, ты кого-то ищешь?

– Я... нет. Не знаю. Я ехал, и тут эта станция. Раньше не было. Я пошел... посмотреть.

Девочка слегка улыбнулась и сказала участливо:

– Ты, наверно, пришел поиграть?

– Не знаю. Поиграть... как?

- Ну, у тебя же вот... - Она острым подбородком указала на шар в руке у Ежики.

- А... Я нашел его там, на лестнице. Иду, а он лежит.

- Тогда это, значит, мой! - подпрыгнул чумазый пацаненок. - Он вчера укатился, а мы не нашли!..

- Филипп! - строго сказала девочка.

Мальчишка со странным взрослым именем Филипп дернулся, отвернулся. Глянул из-за плеча, как сердитый вороненок из-за приподнятого крылышка.

Было немного жаль находку, но как препираться с маленьким? Да к тому же это и в самом деле его шар, наверно...

- Возьми, раз твой.

Филипп обрадованно протянул руку, а старший сказал мягко, но решительно:

- Так ведь нельзя. Кто нашел - того и шар. А хочешь, чтобы снова твой был, надо выиграть.

- Ну, тогда давайте играть, - потребовал Филипп громко и со слезинкой.

- А правда, - примирительно проговорила девочка. - Пошли играть в шары.

- А... как это? - Ежики никогда не слышал про такую игру.

- Да просто это. Любой сразу поймет, - сказал старший мальчик. - Пошли, площадка тут рядом...

Пока шагали, Ежики спросил наконец:

- А что здесь такое? Ну, вокруг, вот это...

Старший мальчик (он шел впереди) ответил сразу, но со спрятанной неохотой:

- Так, заповедник. Старый...

- Музей?

- Ну... вроде...

- А еще застава, - сунулся сбоку Филипп. - Видишь кронверк? - Он махнул в сторону красного дома. - Там раньше пушки стояли, а теперь...

- Фи-ли-пп, - сказала девочка. А старший быстро спросил у Ежики:

- Но скажи: ты правда никого не ищешь?

- Да нет же... Кого мне искать?

В душе уже появилось чувство, что он и правда хочет найти кого-то или что-то. Но как скажешь о неясном?

- А может, ты тоже пограничник? - опять ввинтился в разговор малыш.

- Фи-ли-пп...

Он снова превратился в сердитого вороненка:

- Ну чего?.. Спросить нельзя.

Ежики сказал, чтобы замаять неловкость:

- Это, что ли, игра такая - пограничники?

- Вроде... - отозвался старший и быстро глянул на Филиппа. - Вот, пришли...

Среди мелких горок открылась хотя и заросшая, тоже в одуванчиках, но ровная поляна.

Игра в шары оказалась похожей сразу на крокет, бильярд, гольф и кегельбан. Но правила и правда были нехитрые. Нужно было пустить по земле свой шар, попасть им по другому и тот, другой, загнать в лунку или воротца из проволоки. Лунка – три очка, воротца – пять, а через воротца в лунку – сразу пятнадцать. Кто сто очков набрал, тот и победитель.

Тяжелые, из небьющегося сплошного стекла шары без задержки летели сквозь траву, отряхивали одуванчики. И рикошетно стучались друг о друга – чак, чак... Все одного размера, блестящие, но такого красивого, как у Ежики, вишневого, больше не было. Были белые, прозрачные, или бутылочно-зеленые, да еще два лимонных...

Ежики увлекся игрой. Он купался в веселой беззаботности: как птаха, удравшая из клетки. Все вокруг было так не похоже на недавнюю жизнь, на лицей, на громады и многолюдье мегаполиса. И дышалось так... ну, будто долго-долго сидел он в духоте липкой желтой палатки и вдруг кто-то с размаху распорол тканевый полог. И оказалось, что снаружи – чистота и свежесть... Ежики сбросил капитанку. Он смеялся, отдувал от лица семена-парашютики и пускал сквозь траву скользкий шар. Научился он быстро...

Где-то позади азарта и радости в памяти у него сидело: «Надо все-таки выяснить до конца, откуда станция и что за Якорное поле...» Но шары притягивали к себе, и порой казалось даже, что это не совсем игра, а еще и задача. Словно у Кая в сказке про Снежную королеву, когда он должен был сложить из льдин заветное слово. Если Ежики выиграет, может случиться что-то хорошее. Или раскроется какая-то загадка. «Какая?» – облачком набегала секундная тревога. И улетала...

Никто пока не выигрывал. У всех почти поровну очков, даже Филипп отстал не намного.

... – Филипп, у тебя совесть-то есть? Опять шар пяткой подталкиваешь!

– Я?! Подталкиваю?! Рэм, ну чего она!.. Мне камушек под пятку попал, нога и дернулась! А шар и не двинулся...

– Не ходил бы босиком, не попадались бы камешки, – снисходительно сказал старший мальчик.

В ребячьих компаниях, когда собираются для игры, не принято знакомиться специально. Имена узнают между делом, в считалках, в переключках... Итак, Филипп и Рэм. Девочку же окликали коротко: «Лис!» А полное имя Ежики узнал, когда поспорил. Она сказала:

– Постой... Твой шар сдвинул воротца.

– Где же сдвинул! – Ссориться не хотелось, но «ежики» в характере оцетинили колючки. К тому же сдвинутые воротца – это минус десять очков. – Их просто стеблем качнуло. А стебель ведь не шар!

– Но все равно же сдвинулись, – спокойно сказала она.

– Но я-то при чем?

– Но они же даже чуть не опрокинулись...

– Елизавета, – насупленно сказал Рэм.

«Лис» лучше, чем «Елизавета», – подумал Ежики и быстро глянул ей в лицо. И встретился с ее глазами: светлыми, серовато-синими и чуть обиженными. И неожиданно затеплели уши.

– Правда... сдвинулись, – пробормотал он. И тихо выдохнул: – Извини.

Елизавета-Лис прикусила губу, дернула себя за светлый, почти белый локон у щеки.

– Да нет... наверно, в самом деле травой качнуло...

– Чтоб не спорить, пусть перебьет, – решил Рэм.

– Ага, как же! – обиженно взвыл Филипп. – Как для моего шара подставка, так сразу «пусть перебьет»!

Шар Ежики лежал в метре от лунки на ровной накатанной полосе – прямо сам просился в ямку. Бить должен был Филипп и, конечно, не хотел упускать момент.

– Ладно уж, бей, – сказала Лис, неловко отвернувшись от Ежики. – Пусть он бьет, мальчики...

– Пусть... – прошептал Ежики.

Филипп деловито подтянул штаны и пустил свой белый шар. Он ударился о вишневый, тот подкатился к лунке. Но нехотя. И сантиметрах в десяти замер.

Стало понятно, что Филипп вот-вот заревет.

– Он очень метко бьет, – утешительно заметил Рэм. – Только силы немного не хватает. Тяжелые все-таки шары-то...

А вишневый шар полежал, качнулся вдруг, почуяв неприметный уклон, и скатился в лунку.

– Ура-а!! – Филипп выхватил его, перекинул из ладони в ладонь. – Теперь он мой насовсем! Я его три раза подряд загнал! Вчера два раза и сейчас! Если третий раз подряд, значит, насовсем...

– Филипп, ты что! Вчера же другая игра была! – как-то беспомощно возмутился Рэм. – Вчера же мы без... ну, не вчетвером же играли! Если бы ты вчера трижды загнал...

– А я виноват, что он потерялся?! – Филипп опять стал рассерженным птенцом ворона.

– Да пусть берет... Бери насовсем, – сказал Ежики. И снова быстро глянул на Лис.

Филипп засопел победно, затолкал шар в карман штанов-юбочки. Карман отдулся, штаны сразу поехали вниз. Он подхватил их, подозрительно глянул: не смеются ли? Никто не смеялся. Тогда он засмеялся сам, вытащил опять шар. Поморщился:

- Царапается... - Затолкал в карман полруки и достал что-то спрятанное в кулаке. Протянул кулачок Ежики, разжал: - На... Это тебе за шар...

На ладони лежал черный якорек. Такой маленький, что можно было бы спрятать в грецкий орех. Славный такой.

Ежики оглянулся на Лис и Рэма: «Можно взять?» Лис кивнула, якорек упал к Ежики на ладонь, и все склонились над ним.

- Кроха какая, - ласково усмехнулась Лис. - Где взял, Филипп?

- Утром, под лопухами...

- Ишь какой пророс, - заметил Рэм.

«Пророс?... Что они, растут здесь разве?... А ведь и правда - Якорное поле...»

Якорь-росток был в точности как настоящий - адмиралтейской формы, с деревянным, набранным из крошечных реек штоком, с ювелирно тонкими скобками-бугелями на них, с кусочком якорной цепи... Зацарапался у Ежики какой-то намек на догадку...

- Спасибо, Филипп...

- Ага... А тебя как звать-то? - Филипп, он без лишних церемоний. Взял да и спросил.

Как ответить? «Ежики»? Но это не для случайных знакомых. Пускай они хорошие, но ведь не мама, не Ярик... Сказать «Матвей»? Но он не терпит, когда так зовут его, это отдает лицеем... И он растерянно сказал свое второе имя, которое раньше лишь писалось в документах:

– Юлиус... Юлеш...

– Или Юлек? – спросила Лис.

– Ага...

Пусть он будет для них Юлеком. Не все ли равно? И все-таки он чувствовал неловкость, как от обмана. И поэтому слишком пристально смотрел на якорек.

Такой крошечный... Конечно, это шутка, что он вырос здесь. Наверно, от какой-то модели. От маленькой... Если прикинуть к тому галиону, то годится он там лишь для палубного баркаса...

Галион в желтом окне вспомнился отчетливо. Как-то сразу. И так же сразу, резким толчком вернулась тревога: «Где я? Что же все это?»

Он дернул на бедре клапан бокового кармана, сунул туда якорек, суетливо, почти испуганно оглянулся.

– Ребята. А... какой это заповедник? Откуда он тут взялся?

– Всегда здесь был, – сказала Лис. – Он старый... Видишь, кронверк. – Она махнула белым хвостиком волос. – Это остатки крепости. Сейчас там ничего нет...

– А почему не видно города?

– Холмы же, – быстро сказал Рэм. – И деревья. Если забраться на башню, все видно. И город...

– А станция... Откуда она взялась?

– Ну, откуда берутся станции... – чуть улыбнулась Лис.

– Но ее же никогда не было! Она где? На Кольце? Или это радиус? Может, тупик какой-то?

Филипп, который был занят шаром, вдруг поднял голову и сказал солидно:

- Скорее уж не тупик, а тамбур...

Рэм посмотрел на него.

- Наверно, она на Кольце, Юлеш... Ты ведь ехал по Кольцу? Ну вот...

Обращение «Юлеш» царапнуло Ежики, но это была мелочь.

- Почему же я раньше здесь не проезжал? Я знаю все Кольцо.

- А раньше станции и не было, - как-то нарочито легко отозвалась Лис. - То есть была, но... не станция. А теперь приспособили. Поезда-то пошли три дня назад... Да, Рэм?

- Да, - нахмуренно согласился он. - Первый поезд пустили позавчера. А до того никто и не пытался.

- Да, но как же... - И Ежики замолчал. Все вопросы стали неважными. Кроме одного. Того, что беспокойно и неосознанно зрел в нем и теперь взорвался - короткими слезами и вскриком. И нестерпимой, как боль, надеждой!

Он бросился с поляны - к будке, где вход на станцию! Кажется, ребята что-то кричали вслед. Он мчался, рвались под ногами стебли, сквозь подкладку кармана больно царапал кожу якорек. Липли к мокрым щекам седые семена... Вход, лестница... Вниз, вниз! На стремительном повороте он чиркнул плечом о камень, вырвал клочок из короткого рукава майки... Вот и подвал, желтое окно с черным кораблем! Не до него сейчас! У перрона блестит стеклами хвостовой вагон.

Пусто в вагоне...

Ежики боком повалился на замшевый диван. Дернул из-за пояса подол майки, отер лицо... Отдышаться бы...

- Осторожно, двери закрываются...

«Мама!»

- ...Следующая станция – Площадь Карнавалов.

Значит, все-таки Кольцо!

За площадью Карнавалов – станция Большой Маяк. На ней главный диспетчерский пункт Кольца. Там, конечно, знают всё! Должны знать...

3. Паутина. Кантор

- ...А теперь давайте про все еще раз, по порядку. Хорошо? – Заботливый голос, внимательные глаза под седыми бровями, спокойное морщинистое лицо...

Сперва-то на мальчишку прикрикнули: ворвался, мешает работать, что за дети пошли! Потом примолкли, позвали вот этого. Судя по широким шевронам Дорожной сети – главного диспетчера. Он сразу попросил выйти из дежурной комнаты всех, кроме мальчика. Усадил его. Обратился на «вы», хотя нескладно притулившийся на краешке кресла посетитель – в перемазанной, порванной майке, с грязными полосками на лице, с каким-то мусором в волосах – явно не тянул на роль серьезного собеседника.

- ...Все, как говорится, разложим по полочкам... Вы – лицеист шестого класса Матвей Радомир...

- Да... («Господи, какая разница! При чем тут это?»)

- Вы говорите, что ваша мама погибла год назад, когда возвращалась на аэротакси-автомате из Бельта. Взорвался двигатель-антиграв...

Да, так ему сказали. Эти двое, которые пришли тогда... Летчик и тетка из опекунской конторы. Когда взрывается антиграв, остается облачко атомной пыли. И никакого следа от человека. Разве что эмалевый медальон на серой стене в Парке памяти. Зачем он, медальон... Взрыв этот – редчайший случай. И

вот же, ударила злая судьба. И не кого-нибудь, а маму. И его, Ежики...

Он закричал тогда этим двоим, что они врут и пусть убираются. Летчик стоял молча, закусив белые губы, а опекунская чиновница деловито совала Ежики под нос какую-то пахучую дрянь и говорила, что он должен куда-то пойти. Вместе с ней, с этой теткой... Он оттолкнул ее плечом, заперся в своей комнате, залился слезами. Случившемуся он поверил сразу, хотя и кричал, что это неправда... Не раз он видел в жутких снах, что с мамой случилось непоправимое. И просыпался с мокрым лицом, перепуганный и благодарный за вернувшееся счастье. А теперь не проснешься, не стряхнешь эту страшную черноту... А может, опять сон?! Нет... Нет, хоть голову расколи о глухую дверь.

Из-за двери кричали, уговаривали, чтобы вышел.

Они что? Мало им, что нет мамы, они хотят, чтобы он оставил дом! Его дом! Где все его и мамино!

Он прижался к полукруглому цоколю кондиционера. Пластик был холодный... Как труба в том бункере... Как песок в красной пустыне, когда лежишь навзничь и смотришь в лиловое небо, где звезды и маленькое колючее солнце... Не надо об этом, так нечестно защищаться от горя. Это будет измена маме!.. Но как иначе выдержать, как отстоять дом?.. Всадники-итты подъезжают, смотрят с высоты боевых седел на упавшего мальчишку. Они не ведают ни боли, ни горечи, ни страха. Они – как марсианский лед...

Нет, горе не стало тогда слабее, но сжалось в тугий черный ком. Слезы остановились. Мысли стали четкими, и в руках появилась сила. Через окно он выскочил в сад, ухватил из травы шланг, подключил к вентилю большого давления. Протянул резиновую змею к себе в комнату, с медным наконечником наперевес вышел в холл.

«Уходите...»

«Мальчик! Мы понимаем, что...»

«Уходите. Это наш с мамой дом».

«Но...»

Тугая струя вымела из крытого стеклом холла чужих людей. Тогда он сорвал на щитке пломбу и включил силовое поле...

- Да, мне сказали... - прошептал он. - Что она...

- Я понимаю, вам тяжело, хотя и время прошло... Вы говорите, что ваша мама работала у нас в системе консультантом и что это ее голос записан для объявлений на Кольце... Да, замечательный голос... И сейчас ты услышал его на какой-то новой станции?

- Да! - Ежики дернулся вперед.

- Но послушай, мальчик... - Диспетчер мягко перешел на «ты». - Я понимаю, тебе хочется такого вот... чуда, одним словом. И ты решил, что ее записали недавно, да? Господи Боже ты мой... По-твоему, значит, тебя обманули и мама где-то прячется? Но зачем это? Подумай...

Он думал! Пока бежал и ехал, столько было горячечных мыслей, что болью и звоном отдавались в голове... Может, она попала в аварию и стала калеккой, и хирурги бессильны, и она не захотела жить с сыном, чтобы не пугать его уродством... Или встретила какого-то человека, полюбила его, и они решили пожениться, а человек этот не хочет, чтобы у нее был сын... Дико думать такое про маму, но все же это было бы в миллион раз лучше, чем ее совсем нет на свете... Ну, пусть она не хочет его видеть, лишь бы она была!..

- Малыш, - неуверенно сказал диспетчер. - Ну как тебе объяснить? Ты ведь уже не маленький...

Ежики не заметил этой нелепицы - «малыш не маленький». Он сказал тихо и отчаянно:

- Голос-то ведь есть. Откуда он взялся?

- Голос... Да акустический компьютер смоделирует по образцу любую речь. Чтобы не отличалась от других объявлений.

- Нет... - Ежики упрямо махнул волосами (и полетели семена-парашютики). - Так не смоделирует, это живой голос. Ну зачем компьютер станет делать вдох между словами? Сперва «Якорное», потом... такое короткое дыхание и тогда уж - «поле»...

- А... что это за слова?

- Ну, название станции! Я же объясняю...

- Постой, мальчик... - Диспетчер нагнулся к нему так быстро, что Ежики, словно защищаясь, вскинул коленки, вдавился в кресло. - Послушай, малыш... такой станции нет.

- Как это нет?!

-«Якорное поле»?

- Да!

- Нет. Ты что-то... путаешь, наверно...

- Но я был там только что! Она перед Площадью Карнавалов! Маленькая такая станция, с окном и кораблем! А наверху поле и якоря!..

Ежики хотел уклониться, но диспетчер все же дотянулся, большой холодной ладонью потрогал ему лоб.

- Вы что, думаете, я больной?

Диспетчер вздохнул:

- Думаю - зачем ты морочишь мне голову?

– Вы сами морочите мне голову! – Ежики крикнул это с дерзостью отчаяния. Вскочил. Диспетчер смотрел внимательно и печально. Ежики обмяк, прошептал: – Можно же убедиться, тут ехать три минуты. Сразу за Площадью Карнавалов... Ой нет, надо сперва назад, до Солнечных часов, а потом обратно...

– Почему? – спросил диспетчер строго и чуть насмешливо.

– Ну... там же, на Якорном поле, только один путь, линия Б... Там маленькая станция, даже поезд весь не влазит... – Под взглядом диспетчера Ежики совсем сник. Но тут же сердито вскинулся: – Вы сами должны знать, вы главный!..

– Угу... – неопределенно отозвался тот. – Посиди минутку, я кое-что выясню... – И вышел.

«Зачем он скрывает? Военная тайна? Но в нынешнее время уже не бывает военных тайн... Никакой компьютер так не сделает мамин голос...»

Но надежда становилась все меньше, а тоска была большая. И пусто было, тяжело и тихо. Лишь еле слышно гудели за могучими стенами поезда.

Диспетчер вошел. Ежики опять сказал ему сквозь подобравшиеся слезы:

– Можно же поехать и проверить...

– Да зачем же ездить-то? Смотри... – Во всю стену диспетчерского пункта засветилась схема путей. Желтая паутина – Внутреннее, Среднее и Большое Кольцо, ломаные линии частых радиусов. И в этой паутине, как разноцветные мухи, бьются огоньки станций. С красными буквами названий. – Иди сюда.

Ежики через силу подошел.

– Смотри: вот Площадь Карнавалов, вот Солнечные часы... Где здесь Якорное поле?

Не было Поля.

– А может, в другом месте? – сказал диспетчер. – Пожалуйста. Набери название сам.

Светящиеся клавиши пульта плохо были видны сквозь мокро-липкие ресницы. Ежики проморгался, без всякой надежды набрал по буквам: Я-К-О-Р-Н-О-Е П-О-Л-Е. Пискнуло в динамике, зажглось на экране: «Извините, такой станции нет...»

– Но она же совсем новая... – прошептал Ежики.

– Надеюсь, ты не думаешь, что новую станцию могут не подключить к сигнальной сети?

Именно так он и думал! Но ничего не сказал. Светящаяся схема путей нависала над ним и словно придвигалась. Будто хотела опутать клейкой паутиной... Она была лживая, эта схема! Ежики так и хотел крикнуть. Но горло распухло от подступивших слез. Он закашлялся. Поплыло в глазах. Ежики шагнул назад, опять сел. Уперся лбом в ладони, локтями в колени. Жалким клочком мотнулся у плеча полуоторванный рукав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/krapivin_vladislav/zastava-na-yakornom-pole

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)